

Электронный научный журнал
«edu.e-history.kz»

АТЫГАЕВ Н.А.

**О КНИГЕ Б.Г. АЯГАНА
«РАССВЕТЫ И СУМЕРКИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ»**

Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 2(06)

Теги: Аяган, казахская, степь, Б.Г., отечественная, историческая, наука

Аннотация:

Для Отечественной исторической науки выход из печати нового посвященного средневековой истории Казахстана научного исследования, особенно монографического, событие весьма значимое. Ведь не секрет, что подобными достижениями мы не очень избалованы. В основном это связано с тем, что подготовка научных работ по средневековой истории занимает очень продолжительное время. Тем значимы и ценны такие издания.

Содержание:

Для Отечественной исторической науки выход из печати нового посвященного средневековой истории Казахстана научного исследования, особенно монографического, событие весьма значимое. Ведь не секрет, что подобными достижениями мы не очень избалованы. В основном это связано с тем, что подготовка научных работ по средневековой истории занимает очень продолжительное время. Тем значимы и ценны такие издания.

В связи с этим мы с интересом начали знакомиться с новой книгой доктора исторических наук Б.Г. Аягана «Рассветы и сумерки казахской степи» [1], посвященной средневековой истории Казахстана. Рецензентами книги выступил ряд отечественных и зарубежных ученых, доктора исторических наук З.К. Курманов (Кыргызстан), А.Х. Курмансеитова (Россия), В. Салахов, З.Е. Кабульдинов (оба Казахстан). Наличие рецензентов демонстрирует притязания автора на научность книги, так как в отличие от научной литературы, произведения научно-популярной литературы не рецензируются и не аттестуются. Вместе с тем, указание «научно-популярная» не снимает ответственности с автора (как и с рецензентов, давших положительную оценку) за научность текстов.

Данная книга, по оценке ее автора, является «исследованием, созданным в соответствии с возросшими требованиями казахстанского общества и задач современной отечественной исторической науки» [1, с. 5]. К сожалению, его оценка книги показалась нам несколько преувеличенной. В особенности не совсем понятно, с какими возросшими требованиями казахстанского общества и с какими задачами исторической науки XXI века соотносятся фразы о «феодальной Персии» [1, с. 20], «принципах патриархально-феодального общества» [1, с. 184], о «казахских феодальных владениях» [1, с. 188], хотя автор сам критикует «доктрины советской исторической школы, что кочевники жили при, так называемом «феодальном» обществе» [1, с. 20]. От таких фраз невольно создается впечатление, что читаешь одну из работ советского историка.

На наш взгляд, книга представляет собой в большей части своеобразный компилятивный труд, состоящий из выдержек из ранее опубликованных работ казахстанских и зарубежных исследователей, которые к тому же на профессиональном уровне научно не проанализированы. Это видно из того, что автор иногда приводит только выдержки из этих работ и не может сделать собственных обобщающих выводов. В большинстве же случаев выдержки из литературы автор связывает собственными рассуждениями и заключениями, которые и являются самыми слабыми местами книги.

Метод написания подобных работ академиком М.К. Козыбаевым в свое время был назван «шашлычным методом».

Проведем некоторый анализ глав книги, которые посвящены истории Казахского ханства XV–XVII веков, так как данная тема является основным направлением моих научных интересов. Самим автором «определяющим контекстом» специфики своего исследования также названа тема «генезис казахской государственности, позволяющей определить значительную роль образования тюркских народов, Казахского ханства, как этапных событий в истории Казахстана, как фундаментальной основы формирования государственности» [1, с. 5].

Прежде всего, бросается в глаза слабое знание автором историографии проблемы. История Казахского ханства XV–XVII вв. впервые в исторической науке была воссоздана в 1864 году в работе «Исследование о Касимовских царях и царевичах». Поэтому если говорить об историографии Казахского ханства, то нужно начинать с автора данного труда, выдающегося российского ученого В.В. Вельяминова-Зернова. Вместе с тем, автор не называет его имени в числе ученых, работами которых он пользовался, не упоминается труд этого российского ученого в списке использованной им литературы. Зато встречается весьма сомнительно утверждение автора, что «Проблема возвышения и упадка Казахского ханства широко отражена в трудах российских, так и отечественных исследователей – Г. Потанина, М. Халфина, М. Сафаргалиева» [1, с. 18]. Круг научных интересов выдающегося ученого Г.Н. Потанина был весьма широк, известны его работы, посвященные и Казахстану, в том числе этнографии и фольклору казахов [2], но до сегодняшнего дня мне не встречались его труды, посвященные истории Казахского ханства. С трудами М. Халфина по истории Казахстана, к сожалению, я также не знаком. Возможно, в книге описка, речь может идти об историке Н.А. Халфине, однако в спектр его интересов «проблема возвышения и упадка Казахского ханства» никогда не входила, он был специалистом по истории Средней Азии XIX века [3]. Труды М.Г. Сафаргалиева хорошо известны [4], однако только в одной из них он в связи с историей Ногайской Орды пишет о Казахском ханстве. Поэтому говорить о «широком отражении» истории Казахского ханства в трудах названных исследователей не приходится. Также автор в книге очень часто апеллирует к мнению видного казахского литератора С. Сейфуллина. Несомненно, один из основоположников советской казахской литературы, поэт и писатель, видный политический деятель Сакен Сейфуллин был личностью незаурядной и его вклад в развитие Казахстана огромен, однако его исторические изыскания не следует переоценивать. Он был, прежде всего, литератором, а не профессиональным историком, хотя в своих работах опирался на достижения исторической науки своего времени – 20–30-х годов XX века. С. Сейфуллин четко указывает свои источники, он ссылается на фольклорные материалы и труды В. Бартольда, Н. Карамзина, В. Вельяминов-Зернова, И. Фишера, М. Тынышпаева, Шакарима Кудайбердиулы и других исследователей, однако при этом видно, что он не работал с оригинальными средневековыми письменными источниками. Также в 1931 году С. Сейфуллин в предисловии к своему труду писал о своей неудовлетворенности книгой, поспешностью ее написания и тем, что у него не было возможности сделать исторический анализ [5, с. 11, 20–24]. Поэтому сейчас восхвалять данный труд и брать его положения за основу значит отрицать фактологическое, методологическое, теоретическое развитие отечественной исторической науки за последние 80–100 лет. В целом, нужно понимать, что в начале XXI века труды С. Сейфуллина представляют только историографический интерес. Впрочем, создается впечатление, что автор не разграничивает профессиональный труд ученого-историка и тексты любителей истории, так как в книге можно встретить ссылки на мнения Х. Кожа-Ахмета, А. Оловинцева, Г. Табылдиева, А. Сарая и др.

Автор рецензируемой книги 3-главу посвятил истории образования и развития Казахского ханства. К сожалению, здесь встречаются концептуально неверные положения и многочисленные фактологические ошибки.

Прежде всего, совершенно не правильна оценка автором Керей и Жанибека как «мятежников» и «сепаратистов» [1, с. 118, 124].

Шанхайская Конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (Шанхай, 15 июня 2001 года), ратифицированная Законом Республики Казахстан от 18 апреля 2002 года № 316-ІІ, дает следующее определение сепаратизма: «Какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [6]. Керей и Жанибека, основавших независимое Казахское ханство, восстановивших традиционную казахскую государственность, с которой исторически связана и Республика Казахстан, нельзя называть сепаратистами, термином, обозначающих людей стремящихся разрушить территориальную целостность государства. Для этого необходимо сначала доказать, что они были подвластны Абу-л-Хайру и находились в составе его государства. Этого нет в книге. Есть, однако, мнение автора, что «Своенравные и гордые потомки Орда-Ежена – Жанибек и Керей до шестидесятых годов XV века не могли оказать Абулхайру серьезного сопротивления и находились в зависимости от него» [1, с. 117]. Как интересно соотносятся «своенравие и гордость Керей и Жанибека» с их «зависимостью от Абу-л-Хайра»?

В связи с этим отметим, что подобная трактовка Б. Аягана не учитывает высказанные ранее мнения специалистов, работавших с историческими источниками. Так, по мнению П.П. Иванова, Абулхайру так и не удалось сломить сопротивление таких потомков Чингисхана как Махмуд-хан, Ахмед-хан, ханы Керей и Жанибек [7, с. 35–36]. О бесконечных войнах в первой половине XV века между узбекскими племенами, возглавляемыми Шибанидами, и узбекскими племенами, возглавляемыми потомками Орды, писал А.А. Семенов [8, с. 36]. Узбекский исследователь Б.А. Ахмедов также считал, что «многие султаны, вроде Ибак-хан, Бурке-султана, Джанибека и Гирая, не повиновались Абу-л-Хайру и вели с ним борьбу с первого же дня его возвышения», «Абу-л-Хайру не удалось сломить сопротивление отдельных султанов. Непобежденными остались сыновья Борака – Гирай и Джанибек ...» [9, с. 55, 59–60]. К.А. Пищулина отмечала, что борьба Абу-л-Хайра с Джучидами многих линий не прекращалась на протяжении всего времени правления, и власть его не распространилась на всю территорию Ак Орды. По ее мнению, в низовьях Сырдарьи и в Приаралье, в районе части присырдарьинских городов были потомки Барака со своими подданными, из этих районов и откочевали казахи Жанибека и Керей (Гирей) [10, с. 254–255]. В целом считаем не оправданным применение категориально-понятийного аппарата современной политологии (сепаратизм, многовекторная политика и др.) при описании исторических событий средневековья.

Далее автор, говоря о предыстории Казахского ханства и казахского народа, пишет: «Корни образования казахского этноса уходят во времена древних саков, усуней, канглы, последователями которых выступали тюркские каганаты. В XIII веке великая степь была завоевана Чингис-ханом и его потомками. Но и этот долгий период истории не прервал процесса формирования государственности в Степи. Несмотря на обособление от могущественной (!), но находящейся на грани кризиса (!) Золотой Орды, Ак-Орда не смогла обеспечить независимость своего народа» [1, с. 115]. Во-первых, тюркские каганаты (государства) не могут быть последователями древних саков, усуней, канглы (этнических групп). Во-вторых, завоевание Чингисханом территории Казахстана не могло прервать процесс формирования государственности, так как исследователями формирование первых государств на территории Казахстана относится еще к периоду усуней, канглы, по мнению некоторых ученых, даже саков [11], «Еке Монгол улус» Чингисхана также является степным государством. В связи с этим невольно возникает

вопрос: «Как рассматривается история казахской государственности в Институте истории государства, который возглавляет автор рецензируемой книги?» В-третьих, не совсем понятно выражение – «Ак-Орда не смогла обеспечить независимость своего народа» – независимость от кого? Если речь идет о зависимости Ак-Орды от Золотой Орды, то К.З. Ускенбай на основании анализа источников и историографии выделяет следующие периоды независимого существования Ак-Орды: 1277–1300 годы и 1366–1378 годы [12, с. 257–258].

Далее автор пишет: «А Чулошников, ряд других исследователей, например, С. Ибрагимов отмечали, что ханство Казахское образовалось в период с XV по XVI века, приблизив тем самым факт образования к началу XVI века» [1, с. 128].

В связи с этим отметим, что 2006 году в своей работе «Образование Казахского ханства: проблема датировки в некоторых источниках и в историографии» [13] нами были приведены и проанализированы различные мнения исследователей по данной проблеме. В ней мы приводили точку зрения А.П. Чулошникова о том, что образование Казахского ханства произошло в начале XVI века, после ухода Мухаммеда Шейбани-хана и его сторонников из территории Казахстана в Среднюю Азию. Ранее, в 1996 году К.А. Пищулина писала: «А.П. Чулошников также писал, что Казахское ханство образовалось на рубеже XV–XVI вв., приблизив тем самым факт образования к началу XVI века» [14, с. 329].

Мнение же С.К. Ибрагимова было несколько иным, он считал, что в 30–40-е гг. XVI в. закончилась борьба потомков Жанибека и Керейя с потомками Абу-л-Хайра и мангытами, после чего произошло объединение нескольких самостоятельных владений казахов, возникших к концу XV века, в одно государство – Казахское ханство [15].

Далее в книге приводится непонятная фраза – «образование Казахского ханства не было преждевременным актом», приписываемая Т.И. Султанову [1, с. 129]. Хотя этот исследователь писал, что «образование Казахского ханства не было единовременным актом» [16].

Здесь же автор пишет: «Образование Казахского ханства явилось результатом сложных этнополитических, социально-экономических и этнокультурных процессов, протекавших на территории современного Казахстана и прилегающих к нему регионов в XIV–XV веках. Главным итогом этих процессов было завершение формирования, в рамках постмонгольских государств (Ак-Орды, Могулистана, Ногайской Орды, Сибирского ханства), казахской народности, перед которой теперь стояла насущная необходимость объединения в рамках одного государства» [1, с. 129].

Нечто схожее мы писали в 2006 году: «Современные исследователи рассматривают образование Казахского ханства как результат сложных этнополитических, социально-экономических и этнокультурных процессов, протекавших на территории современного Казахстана и прилегающих к нему регионах в XIV–XV веках. Главным итогом этих процессов было завершение формирования, в рамках постмонгольских государств (Ак-Орды, Могулистана, Ногайской Орды, Сибирского ханства), казахской народности, перед которой теперь стояла насущная необходимость объединения в рамках одного государства» [13, с. 96].

Далее автор пишет: «Вопрос о времени образования Казахского ханства, первого в Центральной Азии национального государства, которое носило имя создавшего его этноса, перманентно возникает в последние десятилетия в Отечественной историографии. При этом до 70-х гг. XX в. данный вопрос исследователи специально, как отдельную проблему, вообще не рассматривали и ее ставили «в один ряд с иными событиями политической истории казахского общества». Определению конкретной даты образования Казахского ханства посвящены исследования Т.И. Султанова и К.А. Пищулиной. В 90-е гг. XX в. данный вопрос нашел отражение в работах казахстанских историков К. Акишева, А. Хасенова, Б. Карибаева и др. Проблема датировки Казахского ханства поднималась в исторических произведениях известных писателей Казахстана М.

Магауина и К. Салгарина. В 2000-ные годы этот вопрос исследовал также Н. Атыгаев» [1, с. 130]. Далее почти на 1,5 страницах приводится выдержка из нашей статьи и дается ссылка.

В вышеназванной нашей статье было также нечто схожее. Мы писали: «Вопрос о времени образования Казахского ханства, первого в Центральной Азии национального государства, которое носило имя создавшего его этноса, перманентно возникает в последние десятилетия в Отечественной историографии ... Следует отметить, что до 70-х гг. XX в. данный вопрос исследователи специально как отдельная проблема вообще не рассматривали и ее ставили «в один ряд с иными событиями политической истории казахского общества». В эти годы ряд своих работ посвятили датировке времени образования Казахского ханства Т.И. Султанов и К.А. Пищулина. В 90-е гг. XX в. данный вопрос нашел отражение в работах казахстанских историков К. Акишева, А. Хасенова, Б. Карибаева и др. Рассматривали в своих исторических изысканиях проблему датировки Казахского ханства известные писатели Казахстана М. Магауин и К. Салгарин» [13, с. 96–67].

Совершенно запутаны у автора главы, где речь идет об этнических процессах в средневековом Казахстане и происхождении этнонимов «монгол», «ногай», «узбек», «калмак» и «казах». Прежде всего, не совсем точно само наименование главы, если говорить «об этнических процессах в средневековом Казахстане», то нужно было начинать с древнетюркского периода, с которого и начинается средневековый этап истории Казахстана.

К сожалению, здесь встречаются утверждения, основанные на народной этимологии, которая не учитывает исторические факторы, фонетические, морфологические и морфонологические законы развития языка, а основывается на случайном сходстве слов. Из этого иногда создается впечатление, что автор книги любитель, а не профессиональный историк. Например, автор книги высказывает гипотезу (впрочем, и до него это писали) о происхождении этнонима «монгол» из словосочетания «мыңқол» [1, с. 6–7, 71]. Не рассматривая проблему происхождения термина «монгол» отметим только, что отечественный историк З. Кинаятулы, которого сам автор книги называет «известным историком», «знатоком истории Монголии и государства Чингисхана» [1, с. 71], писал о ненаучности предположения о происхождении этнонима «монгол» из словосочетаний «мыңқол» и «мұңлы» [17, С. 48]. Этот же исследователь, отмечая наличие около 3 000 общих для монгол и тюрков слов, вопреки мнению автора книги, писавшего о тождестве тюркского и старомонгольского языков [1, с. 73], рассматривает тюрков и монгол как разные этнические группы, происхождение же монгол он связывает с группой Мэнгу-Шивей [17, 41, 47, 51 бб.].

Далее автор утверждает, что «узбеки, ставшие в дальнейшем народом оседлым, становятся во многом чуждыми для кочевников Евразии: казахов, ногайцев, башкир, а позднее, джунгар» [1, с. 77]. Но ведь общеизвестно, что узбекские племена Средней Азии вплоть до XIX века продолжали вести полукочевой образ жизни и их переход к оседлости в основном завершился только к началу XX века [18, с. 102]. Сомнительно, что у перечисленных народов существовала общая идея кочевого единства и родства. Это опровергают и длительные кровопролитные войны между казахами и джунгарами, казахами и узбеками.

Совершенно научно не обоснованы рассуждения автора о Ногайской Орде и ногайцах. Создается впечатление, что автор не знаком с ситуацией с историческими источниками по данной тематике. В отличие от истории Казахского ханства в России сохранились значительное количество архивных документов по истории Ногайской Орды, которые стали издаваться еще в XVIII веке. Поэтому мы можем опираться на данные этих источников, которые опровергают ряд высказываний автора. Так, например, в книге указывается, что «Алшагыр был реальным историческим лицом и жил в начале XV века» [1, с. 81]. Вместе с тем, по архивным документам сын Муса-мирзы ногайский мирза

Алшагыр жил в первой половине XVI века, так как его имя на страницах архивных документов впервые упоминается в 1503 г. [19, с. 430, 432], а последний раз в 1519 г. [20, с. 159–160]. В письменных источниках имена его сыновей Аганаса и Тоганаса не фигурируют, известны имена других его сыновей Урака, Кель-Мухаммеда, Джаная [20, с. 656].

Автор несколько раз пишет о Ногайском ханстве [1, с. 187–188]. В исторической литературе данное политическое объединение принято называть Ногайской Ордой, так как в нем вся власть сконцентрировалась в руках потомков мангытского бека Эдиге, а не Чингизидов. Потомки Эдиге, не имея права на ханский титул, который был прерогативой только прямых мужских потомков Чингисхана, правили под титулом «бек» (бий) [21, с. 34–35].

В книге повторяется давно устаревшее мнение, что «термин «ногай», Ногайская Орда» становятся известны в источниках в основном с начала XVI века» [1, с. 66]. В.В. Трепавловым установлено, что впервые термин «ногаи» встречаются в русских источниках в 1479 г., а в восточных источниках в 1500 г. [21, с. 4].

По мнению автора, «в конце XV веке усилились казахско-ногайские противоречия при Касыме» [1, с. 81]. Однако по источникам Касым начал править только с 915 г.х. / 1509–1510 гг. [22, с. 287; 23, с. 217; 24, с. 260–261]. Кроме этого, фактов столкновения казахов и ногайцев после похода Бурындыка против Мусы-мирзы в 1473–1474 гг. в источниках не отмечены. По мнению В. В. Трепавлова, после данного похода и до 1508 года связи казахских и ногайских племен, разделенных обширным малонаселенным пространством, прекратились [20, с. 158]. Однако в анонимном «Таварих-и гузида-йинусратнаме» и «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи имеются сообщения, что в 80-х годах XV века мангыты под руководством Хамза-бека, одного из «великих беков» города Узгенда, совместно с казахскими правителями воевали против Мухаммед Шейбани-хана в Туркестане [23, с. 28–29, 112, 113].

Автор также пишет: «Мы допускаем, что Казань город в ногайских степях» [1, с. 82]. Однако, как выше указывалось, мы располагаем по ногайцам архивными документами и записками путешественников, и в этих источниках говорится только об одном ногайском городе – Сарайчике. В.В. Трепавлов, монографический исследователь историю Ногайской Орды, отмечает указание источников и приводит выводы исследователей об отсутствии у ногайцев городов кроме Сарайчика. На основании же археологических и фольклорных материалов он предполагает существование неких городов-крепостей, где жила правящая верхушка Ногайской Орды и проводит их названия из фольклорных данных: Кумлы-кала (в Южно-Казахстанской области) и Сырлы-кала (в Кызылординской области). Приводит он также встречающиеся у Эвлия Челеби названия двух городов на Яике: Салуб-керман и Сурун-керман, однако, ни в одном источнике он не выявил сведения о ногайском городе Казань. Исследователь также отмечает, что «у жителей Ногайской Орды совершенно отсутствовали навыки градостроения» [20, с. 583, 595, 597].

Далее автор книги рассматривает вопрос о происхождении этнонима «казак» и «казак». То, что у автора не сложилось собственное понимание вопроса показывают его следующие утверждения:

1. Население Ак-Орды называлось то узбек, то узбек-казахами, то казахами [1, с. 83];

2. Наряду с формированием и становлением Казахского ханства термин «казак» начинает обретать этническую окраску. Если до образования Казахского ханства термин «казак» больше носил социальный оттенок, то после шестидесятых годов «казахами» или «узбек-казахами» стали называть определенные этнические группы. В понятие «казах», вкладывали уже этнический смысл [1, с. 83];

3. Вершиной многолетнего этнического процесса в образовании казахской народности явилось возникновение этнонима «казах» и создание Казахского ханства.

Число жителей Казахского ханства увеличилось за счет притока новых родов и племен особенно после смерти Абулхайр-хана в 1468 году. На просторах Казахстана сформировалась этническая общность «казахи», новое государство – Казахское ханство [1, с. 83];

4. В XV–XVII веках этнонимы казахи, узбеки, ногаи носили больше условный характер [1, с. 83];

5. Лишь после откочевки Керей и Жанибека термин «казак» становится этнонимом [1, с. 84];

6. В XV веке термины «ногайлы», «узбек», «казак» не имели четких этнических границ и применялись параллельно» [1, с. 84];

7. Эти слова ибн Рувбихана свидетельствуют о том, что «казахи» и «узбеки» в описываемое время представляли более политическое объединение чем этническое [1, с. 84];

8. Этноним «казак» имел скорее нарицательное, социальное значение и со временем распространился на этносы различных уровней (например, на этнографические группы казаков среди русских). Историю образования этноса «казак» и Казахского ханства обстоятельно изложил автор XVI века Мирза Мухаммед Хайдар [1, с. 85];

9. К XVII векам связь между крымцами, ногайцами и казаками Азии прерывается, и казахов вытесняют из причерноморских и предкавказских степей [1, с. 93];

10. Связь, существовавшая между ними (казахами и казаками – Н.А.) была прервана несколько веков назад: они совершенно не узнавали друг друга [1, с. 94].

Позволим себе немного прокомментировать данные утверждения. Прежде всего, нужно отметить, что ни в одном известном источнике население Ак-Орды не названо и не могло быть названо «узбек-казахами» и «казахами». Когда К.А. Пищулина («известный историк» [1, с. 59]) писала, что население Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана называлось в источниках «то узбеками, то узбек-казахами, то казахами», она говорила об источниках написанных в XVI–XVII веках и повествующих о событиях середины XV – начала XVI вв., т.е. уже периода после распада Ак-Орды. Далее она указывала, что «Если в источниках начала XVI в. к населению Восточного Дешт-и Кыпчака все более определенно применяется имя казахи, то это говорит не о том, что только к этому времени сложилась народность, и не о «возвращении» «казахов» из Жетысу после ухода «узбеков» в Мавереннахр ... , а всего лишь о переходе политической власти над населением Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана к ханам ак-ордынской линии Джучидов, получившим уже до этого скорее политическое, чем этническое имя казахов» [14, с. 291]. Связи с этим следует отметить мнение специалистов, что «появление в источниках этнонима, как обычно, не совпадает со временем образования народности» [14, с. 300]. Поэтому необходимо понимать, что существует проблема соотношения этнонима и этноса в конкретно-исторических условиях.

Приведем мнение Т.И. Султанова: «Если прежде племена, обитавшие в Узбекском улусе, характеризовались общим собирательным названием узбеки, то теперь (после откочевки Керей и Жанибека и образования Казахского ханства – Н.А.) их стали разделять на собственно узбеков (шибанитов), казаков (казахов) и мангытов (ногаев)». Далее он указывает, что «процессы политического и этнического разграничения населения бывшего Узбекского улуса приняли в 70-90-е годы XV в. поистине глубокий, необратимый характер». Только в начале XVI века после ухода части узбекских племен во главе с Мухаммедом Шейбани на территорию Мавереннахра, пишет этот исследователь, «просторы Восточного Дешт-и Кыпчака перестали быть местом исторического перепутья терминов узбек и казак. Слово узбек стало обозначение группы племен, передвинувшихся вместе с Шибанидами на территорию Средней Азии. За оставшимися кочевать в степях Восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья тюркоязычными племенами, объединенными под властью членов другой ветви Чингизидов, окончательно закрепилось название казаки, за страной название Казакстан» [25, с. 255–257]. Это полностью подтверждает автор

сочинения «Маджма ал-гараиб»(60–70-е годы XVI века) Султан-Мухаммед ибн Дарвиш-Мухаммед ал-Муфти ал-Балхи, который пишет: «В девятьсот девятом году Мухаммед-хан, внук Абу-л-Хайр-хана, вторгся и освободил Мавераннахр от потомков эмира ТемураГургана. Все племена, прибывшие в сопровождении Мухаммед-хана получили наименование узбек, а тех, которые остались в Дашт-и Кипчаке называют казахами» [26, с. 108].

Если, по мнению автора книги, формирование этнической общности «казахи» относится к времени образования Казахского ханства и смерти Абулхайр-хана в 1468 году, то после такого утверждения он должен был напрочь отвергнуть и раскритиковать мнение Ж. Сабитова, что «казахский народ сформировался как единый народ в хронологических рамках середины XVIII – начала XX веков» [1, с. 44]. Получается, что до этого не было единого казахского народа?! Вместо этого автор книги называет исследование Ж. Сабитова и его группы «ценным», хотя и оговаривает, что оно «требует привлечения более широких данных» [1, с. 44]. Отметим, что современные специалисты, исследовавшие физико-биологические, лингвистические, исторические материалы, датируют завершение процесса формирования казахской народности XIV веком, самое позднее первой половиной XV века [14, с. 279, 287, 295]. Поэтому автор XVI века Мирза Мухаммед Хайдар не мог «обстоятельно изложить» историю образования этноса «казах».

Не понятна фраза «казахов вытесняют из причерноморских и предкавказских степей» [1, с. 93]. Если автор считает, что казахи жили в причерноморских и предкавказских степях, он должен был это доказать источниками, иначе это является народной этимологией. Даже наличие термина «казах» на Кавказе не доказывает, что здесь жили наши предки. Если даже какие-то этнические группы на Кавказе назывались «казахами», то нужно доказать, что они и наши предки (казахи Дашт-и Кыпчака) говорили на одном языке кипчакской группы, обладали общими антропологическими характеристиками и не отличались культурно-хозяйственным укладом жизни. Доказательства лингвистического единства могут привести только специалисты-филологи, антропометрические, серологические, одонтологические, дерматоглифические, краниологические, палеоантропологические и другие физические антропологические доказательства способны продемонстрировать только ученые-антропологи, доказать культурно-хозяйственную общность этнических групп могут специалисты-этнологи. Если в книге нет таких доказательств, то не может быть и речи о казахах на Кавказе. Кроме этого нужны доказательства процесса этнического разделения казахов и связанных с ними миграций.

Необоснованно утверждение автора, что «В советской казахстанской историографии долгое время бытовало мнение о захвате, покорении казахского народа монголо-татарскими племенами» [1, с. 71]. Историки советского периода достаточно определенно считали, что «процесс образования казахской народности в XIV–XV вв. в основном завершился» [26, с. 255]. Поэтому они не могли писать «о захвате, покорении казахского народа монголо-татарскими племенами» в XIII веке.

Неверно следующее утверждение автора: «В.П. Юдин сообщает, что впервые название Старший жуз упоминается в 1616 году в «Бабур-наме» [1, с. 38]. В трудах В.П. Юдина такого сообщения нет. В «Бабур-наме», которое написано между 1493–1529 годами, никак не могут быть сведения о 1616 годе. Выражение «казачья Большая (Старшая) орда» встречается в «распросочной речи» Т. Петрова и И. Куницина 1616 года [14, с. 305], однако на сегодня это не является самым первым упоминанием о казахских жузах [28, 132–136 бб.].

По мнению автора книги, в первой половине XV века в ханство Абу-л-Хайра (Узбекский улус) входили «степи Дешт-и Кипчака, современный Центральный Казахстан, частью Западный Казахстан» [1, с. 117]. Однако исследователи отмечая, что территория ханства в течение 40-летнего правления Абу-л-Хайра претерпела ряд изменений, более шире определяют его границы: «от южных рубежей Западной Сибири до правобережья

Сырдарьи и предгорий Каратау» [14, с. 152]. Хотя в источниках Ханство Абу-л-Хайра называется «Узбекским улусом» не следует их отождествлять. «Узбекским улусом» в источниках первоначально называлась территория Восточного Дешт-и Кыпчака (Ак-Орды). О том, что государство Абу-л-Хайра охватывало большую часть «Узбекского улуса», но не весь «Узбекский улус», писали многие исследователи [10, с. 254-257; 12, с. 258].

Автор книги пишет, что «Обстоятельства жизни и гибели Ораз-Мухаммеда нашли отражение в «Русской истории» Н. Костомарова» [1, с. 158]. Совершенно непонятная ссылка на Н. Костомарова. Ведь исследованию жизни и деятельности Ораз-Мухаммеда мы, прежде всего, обязаны В.В. Вельяминову-Зернову, который впервые в 1864 году, за несколько десятилетий до выхода труда Н. Костомарова, собрал и опубликовал сведения об этом казахском султанине [24]. Создается впечатление, что автор не знаком с трудом В.В. Вельяминова-Зернова.

Далее в книге говорится: «К концу XVI века для казахов сложилась крайне неблагоприятная внешнеполитическая обстановка ... На востоке постепенно укреплялось Джунгарское ханство» [1, с. 158]. Однако общеизвестно, что это государство ойратов-калмаков возникло в 1635 году [29; 30, с. 24], тогда как оно могло укрепляться в конце XVI века?!

Далее автор пишет «о бесконечных войнах самих кочевников – Тимура с Токтамышем, Тимура с Баязидом» [1, с. 28], однако ни Тимура, ни Баязида трудно называть кочевником.

Автор делает следующее сомнительное заключение: «После распада Золотой орды, государства Тимура, тюркский мир потерял свое единство и распался на отдельные государства. Одним из них стало крупное государственное объединение – Османский султанат, существовавший с 1299 по 1918 гг.» [1, с. 57]. Как совершенно правильно показывает сам автор Османское государство возникло в самом конце XIII века, а распад Золотой орды и государства Тимура историками датируется XV веком [31; 8, с. 39–84], также нет данных об единстве в этот период всего тюркского мира.

Не точно утверждение, что «По образу жизни, языку и культуре жители Могулистана мало чем отличались от жителей Узбекского улуса» [1, с. 124]. Исследователи писали о схожести образа жизни, языка и культуры узбеков Дашт-и Кыпчака конкретно с могулами, а не «жителями Могулистана», так как в состав Могулистана входили и земледельческие районы Восточного Туркестана и временами Ташкент и Сайрам [10, с. 12-13], население которых и по образу жизни и элементам культуры отличалось от кочевников.

Неверно указание, что кыпчакам «удалось создать государственное образование под именем – Дешт-и Кыпчак» [1, с. 75], Дашт-и Кыпчак является географическим термином, в переводе с персидского языка означает «Кыпчакская степь». Употребляется в арабских и персидских источниках с XI века. В каких «английских, французских, итальянских» источниках выявил его автор книги [1, с. 75] установить нам не удалось.

Неточно утверждение автора, что «После смерти хана Абдуллы II и убийства его сына в 1556 году династия Шейбанидов пресеклась» [1, с. 246]. Сын Абдаллах-хана Абд ал-Мумин погиб в 1598 году, после его смерти пресеклась власть династии Шибанидов в Бухаре, другая линия Шибанидов сохраняла власть в Хорезме (Хива) до начала XVIII века [18, с. 56–57, 250–260].

Автор книги пишет: «В конце XVI века, согласно данным Кадыргали Жалаири, у казахов насчитывалось 50000 мужчин, из них 20000 относились к племени Катаган, а остальное 3000 относились к разным племенам, сообщает Ж. Сабитов» [1, с. 42]. Однако в труде Кадыргали-бека Косумулы нет таких данных, в тексте отсутствует само слово «казах». Там говорится, что «алашмыңы насчитывал три сана» [32, с. 171; 33, 245, 263, 135 бб.; 34, 126 б.]. Непонятно зачем нужно было приводить данное сомнительное высказывание Ж. Сабитова.

Также непонятна необходимость приводить высказывание Д.С. Кидирниязова о реформе Хакк-Назара [1, с. 79], который полностью процитировал мнение А.И. Исина [35, с. 26].

Автор, ссылаясь на издание «История Казахстана», пишет, что Жанибеку в момент откочевки было около сорока лет [1, с. 126]. Ошибка автора происходит от невнимательного знакомства с указанным текстом. Автором данного текста в издании «История Казахстана» была К.А. Пищулина и примерную дату рождения Жанибека она определяла 1410 годом [14, с. 322], в этом случае в 1459 году во время откочевки Жанибеку было около 50 лет.

Ссылаясь на нашу работу, автор пишет, что источник говорит «о несметных войсках и могуществе молодого хана» [1, с. 136], однако Касым-хана мы не могли назвать «молодым ханом», из «Тарих-и Рашиди» хорошо известно, что в начале второго десятилетия XVI века Касым-хану было около 70-лет [22, с. 326].

Не совсем также точно утверждение автора о том, что историкам сегодня известен только один законодательный памятник средневековой степи – «Жетыжаргы» [1, с. 184]. Речь, конечно, идет только о законодательных памятниках казахов, так как степных законодательных памятников средневековья известны несколько – от «Ясы» Чингисхана до монгольского «ХалхаДжирум» («Законы Халхи»), в том числе монголо-ойратский свод законов «Цааджийн-бичиг», который был выработан в 1640 году на съезде монголо-ойратской знати, состоявшемся на территории современного Восточного Казахстана (Тарбагатай) [30, с. 24–25;36].

Автор называет Тауекеля «воспитанником многоопытного бухарского хана Абдоллы» [1, с. 188]. Будущий казахский правитель, согласно источникам, находился в свите узбекского хана не более двух лет (с 1581–1583 годы), к тому же в это время он уже характеризуется как сложившаяся личность [37, с. 202–203]. Поэтому вряд ли можно говорить, что ШибанидАбдаллах был наставником Тауекеля.

По мнению автора книги: «В литературе народов Ак-Орды, Ногайского улуса, Крымского ханства воинов Сефевидов называют кызылбашами (красноголовые) ... они были постоянно в состоянии войны с армиями Тимура...» [1, с. 245]. Кызылбашские племена, которое образовали в 1502 г. государство Сефевидов, вышли на историческую арену только в начале XVI века, поэтому термин «кызылбаша» не мог употребляться в период Ак-Орды (XIII–XV века). Также кызылбаша также не могли быть в состоянии войны с армиями Тимура (XIV–XV века). Кызылбашским государством называют свое государство сами историки Сефевидов [38].

Говоря об истории современного уйгурского народа, автор утверждает: «этноним «уйгур» вновь возродился в 20-е годы XX века в результате усилий крупных востоковедов С. Малова и Бартольда» [1, с. 246]. Однако В.В. Бартольд был противником употребления термина «уйгур» в отношении современного уйгурского народа. Он писал: «В настоящее время представление даже самых образованных туземцев о прошлом своих областей крайне смутно; этим объясняется, например, принятие ... жителями Восточного Туркестана народного названия уйгур (в действительности язык современного населения этой страны не имеет ничего общего с наречием средневековых уйгуров...)» [39, с. 426], «... происходящие из Кашгариитаранчи и кашгарлыки называют себя теперь уйгурами – именем, которое к ним совершенно не подходит, так как исторические уйгуры никогда не заходили так далеко на запад» [40, с. 594]. С.Е. Малов, отмечая неодобрение В.В. Бартольда по переименованию кашгарцев и таранчей в уйгуров, следующим образом объяснил свою позицию по данному вопросу: «Следуя пожеланию представителей турецкого населения Син-дзяна – с одной стороны, с другой – следуя имевшейся научной традиции, и я называю язык турецкого населения Син-дзяна уйгурским» [41, с. 307–309]. Тем самым, этот ученый, как и некоторые другие ученые, следовал устоявшейся традиции и субъективным факторам, а не историческим фактам и научным аргументам. Поэтому ни

в отношении В.В. Бартольда, ни в отношении С.Е. Малова нельзя сказать, что они вложили усилия в возрождение этнонима «уйгур».

Неверно утверждение, что «Из тюркоязычных племен народов Золотой Орды свою государственность образовали азербайджанцы, казахи, узбеки, киргизы» [1, с. 253]. Предки современных киргизов не входили в состав Золотой Орды, а предки азербайджанцев в монгольский период входили в состав государства ильханидов, захваты же золотоордынских ханов «Азербайджана ... носили кратковременный характер» [42, с. 50].

Наконец, совершенно ненаучна иллюстрационная часть книги. Не говоря о художественности портретов средневековых личностей (общая беда казахстанской исторической литературы), происходит обычная мифологизация истории. Так, например, автор совершенно бездоказательно приводит изображение флага Казахского ханства [1, с. 135], который не подтверждается никакими источниками.

Можно высказать по книге еще много замечаний (остались совершенно нерассмотрены главы, посвященные истории Казахстана XVIII века), однако уже сказанного, думаю, будет достаточно для общей оценки издания.

В целом, внимательно ознакомившись с книгой Б.Г. Аягана «Рассветы и сумерки казахской степи», приходится констатировать, что она не вносит ничего нового в исследование средневековой истории Казахстана. Если бы книга не была издана, мы бы немного потеряли, скорее, выиграли бы во многом. Искренно жаль потраченных на подготовку и издание книги усилий, времени и финансовых вложений. Хочется пожелать Б.Г. Аягану издание других хороших книг по истории Казахстана, однако к средневековой тематике необходимо подходить более основательно.

P.S.

Многие еще помнят о дискуссии, развернувшейся в печати между директором Института истории государства, д.и.н. Б.Г. Аяганом и сотрудниками нашего Института – академиком М.-А. Х. Асылбеком и ГНС, к.и.н. К.С. Алдажумановым. Некоторые восприняли это как противостояние между научно-исследовательскими институтами, что абсолютно ошибочное мнение, так как хронологические рамки исследований двух институтов разные. Чтобы не создалось впечатление, что данная рецензия направлена также на дискредитацию Института истории государства и лично его директора, хочу дать некоторые пояснения.

Как заместитель директора Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова я с самого начала конфликта Б.Г. Аягана с нашими сотрудниками был в курсе происходящего. Причем знал точку зрения обеих сторон (свой взгляд на конфликт изложил мне лично Буркитбай Гельманович), и я никогда не считал себя в праве вмешиваться в этот спор, о том так как о специфике научных проблем истории Казахстана XX века имею слабое представление. Однако издание Б.Г. Аяганом книги «Рассветы и сумерки казахской степи» заставило меня изложить свою оценку данного издания, так как, по моему мнению, книга дискредитирует саму историческую науку Казахстана. Создается ложное представление, что книги по истории можно писать подобным образом. Ведь известно, что наличие научных регалий у автора книги вызывает у читателей некоторый «кредит доверия», а авторство «директора Института истории» в разы его увеличивает. Публикация таких работ профессиональных историков таит для исторической науки огромную опасность. Читая их люди перестают понимать разницу между наукой и мифами.

К сожалению, на сегодняшний день очень много стало издаваться таких непрофессионально написанных работ, в том числе в авторстве людей с большими научными регалиями. Подобные книги дискредитируют труд добросовестных ученых, которые всегда сомневаются, взвешивают каждое написанное ими слово и подтверждают его ссылками на источники. Поэтому они тратят на написание научной работы несоизмеримо больше времени и усилий чем авторы-любители [43].

В целом считаем, что необходимо постоянно бороться как с мифологизацией истории, так и дилетантизмом в исторической науке. Все публикации на исторические темы должны получить соответствующую оценку. Мы и ранее публиковали отзывы на некоторые новые работы [44, 62-68 бб.; 45, 132-136 бб.], надеемся, в дальнейшем также будем давать свои оценки на исторические труды. Поэтому нужно понимать, что здесь речь идет не о моем личном отношении к профессору Б.Г. Аягану (никаких конфликтов у нас нет), речь идет только о критериях к научным публикациям.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аяган Б.Г. «Рассветы и сумерки казахской степи» (Научно-популярное издание. – Алматы: ТОО «Литера-М», 2014. – 264 с.
2. См.: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 7: Г.Н. Потанин. Исследования и материалы / Сост. тома и указ. К.Ш. Алимгазинова; Ин-т истории и этнологии им.Ч.Ч. Валиханова МОН РК. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 600 с.
3. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии: (Первая пол. XIX в.). – М.: Наука, 1974; Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). – М., 1965; Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. – М., 1960.
4. Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сб-к науч. работ Мордов. гос. пединститута. – Саранск, 1949; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. – 279 с.; Сафаргалиев М.Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды Мордовского НИИЯЛИ. Вып. 24. – Саранск, 1963. – С. 64–79.
5. Сейфуллин С. Көп томдық шығармалар жинағы. – Алматы: Қазығұртбаспасы, 2007. - Т. 7. – 416 б.
6. <http://online.zakon.kz>.
7. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). – Москва, 1958. – 248 с.
8. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Выпуск I. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т. XII. – Сталинабад, 1954. – 76 с.
9. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – Москва, 1965. – 196 с. – С. 55, 59–60.
10. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). – А.-А., 1977. – 288 с.
11. См. История казахской государственности (древность и средневековье). – Алматы.: изд. Адамар, 2007. – 416 с.; История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В четырех томах. Т. 1. – Алматы: «Атамұра», 1996. – 544 с. – С. 230, Акишев К.А. Государства тюркоязычных народов / Материалы Международной конференции «Эволюция государственности Казахстана». – Алматы, 1996. – 446 с. – С. 16–21.
12. К. Ускенбай. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / Ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – 289 с.
13. Атыгаев Н.А. Время образования Казахского ханства: некоторые аспекты проблемы в историографии и в источниках // Отан тарихы (Отечественная история). - 2006. - № 1. – С. 96–107.
14. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. – Алматы: «Атамұра», 1997. – 624 с., ил.
15. Ибрагимов С.К. К истории Казахстана в XV в. // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. Ред. И. Орбели. – Москва, 1961. – С. 179–180.
16. Султанов Т.И. О первом казахском государстве (к 525-летию Казахского ханства) // Кунсткамера. Этнографические тетради. - 1995. - Вып. 8–9.– С. 31–38.

17. З. Қинаятұлы. Шыңғысхан және Қазақ мемлекеті. Екі томдық ғылыми зерттеу (Монография). – Алматы: Тарих тағылымы, 2010. – 728 б.
18. История Узбекистана. Т. III (XVI – первая половина XIX века). – Ташкент: Издательство «ФАН» Академии Наук Республики Узбекистан, 1993. – 476 с.
19. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. 1487-1533 гг. / Сб. РИО. – СПб., 1882, Т. 35, 869 с.
20. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.
21. Поноженко Е. А. Политический строй ногайцев в XV – середине XVII в. // ИАН Туркменской ССР, СОН. 1987. №6. – С. 34–35.
22. Мухаммед Хайдар Дулати. «Тарих-и Рашиди». Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой, 2-е издание дополненное. – Алматы: Санат, 1999. – 656 с.
23. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пишулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата, 1969. – 652 с.
24. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч.2. - СПб., 1864. – 498 с.
25. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – А., 1992. – 376 с.
26. Цит. по: Тулибаева Ж.М. Персоязычные источники по истории Казахстана XIII–XIX. – Астана. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. – 256 с.
27. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. II. – Алматы, 1979. 424 с.
28. Атығаев Н.Ә. Қазақхандығытарихыбойыншакейбіржаңадеректер мен олардың зерттелу мәселелері // «Қазақстанжәнеәлемдіктарихкеңістігі: жалпы мен ерекшенің «Мәңгілік ел» ұлттық идея арқылы көрінісі» атты Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. - Алматы қ., 17 сәуір 2014 ж. – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. – С. 132–136.
29. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е изд. - Москва, 1983. – 332 с.
30. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. – М.: Изд. наука, 1979. – 311 с. – С. 24
31. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 505 с.
32. Кадырғали-бек Косумұлы. Сборник летописей. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. - Т. II, Ч. 1. – Казань, 1854. – С. 171
33. Сыздықова Р., Қойгелдиев М. Қыдырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы. – Алматы, 1991.
34. Қадырғали Жалайыр. Шежірелер жинағы. Шағатай-қазақ тілінен аударып, алғы сөзің жазғандар Н.Мингулов, Б.Көмеков, С.Өтениязов. Жалпы редакциясын қараған М. Мағауин. – Алматы, 1997. – 128 б.
35. Исин А.И. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. – Алматы, 2004. – 160 с.
36. Гедеева Д.Б. «Правовая лексика в ойратском письменном языке XVII–XVIII вв. Автореферат диссертации по ВАК 10.02.16, кандидат филологических наук / Научная библиотека диссертаций и авторефератов <http://www.dissercat.com/content/pravovaya-leksika-v-oiratskom-pismennom-yazyke>.
37. Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы, 2001. – 276 с.

38. Атыгаев Н.А. Участие казахов в борьбе узбеков с Сефевидским (Кызылбашским) государством в первой половине XVI в. // Отантарихы. 2002. № 2.– С. 114–121.

39. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Сочинения. - Т.9. – М., 1977.

40. Бартольд В.В. Тюрки (историко-этнографический очерк) // Бартольд В.В. Сочинения. Т.5. – М., 1968.

41. Малов С.Е. Материалы по уйгурским наречиям Син-дзяна. – А., 1933. – С. 307–309.

42. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Москва, 1985. – 247 с.

43. Так, например, около двадцати лет понадобилось А.И. Исину чтобы дополнить и подготовить к изданию в формате монографии свою кандидатскую диссертацию, защищенную еще в 1988 году. Для издания своей кандидатской диссертации, защищенной в 2003 году, К.З. Ускенбай потратил десять лет.

44. Атығаев Н.Ә. Артық туған Абылай (Қазақтың ұлы ханы туралы бір кереғар пікірге жауап) // Абылай хан мұрасы: идеялардың өзара байланысы және сабақтастығы»: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. 10 желтоқсан 2013 жыл. – 608 б. – 62–68-бб.;

Атығаев Н.Ә. Қазақ хандығы тарихы бойынша кейбір жаңа деректер мен олардың зерттелу мәселелері // «Қазақстан және әлемдік тарих кеңістігі: жалпы мен ерекшенің «Мәңгілік ел» ұлттық идея арқылы көрінісі» атты Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. - Алматы қ., 17 сәуір 2014 ж. – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. – 344 б. – 132–136-бб.